

Чаадаев П. Отрывки и разные мысли filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Чаадаев П. Я.

Отрывки и разные мысли.

Вы находите, по вашим словам, какую-то особенную связь между духом египетской архитектуры и духом архитектуры немецкой, которую обыкновенно называют готической, и вы спрашиваете меня, откуда эта связь, т.е. что может быть общего между пирамидою фараона и стрельчатым сводом, между каирским обелиском и шпилем западноевропейского храма? Действительно, как ни удалены друг от друга эти две фазы развития искусства промежутком более, чем в тридцать веков, между ними есть разительное сходство, и я не удивляюсь, что Вам пришло на ум это любопытное сближение, так как оно до известной степени неизбежно вытекает из той точки зрения, с которой мы с вами условились рассматривать историю человечества. И прежде всего, прошу вас, обратите внимание на эту геометрическую фигуру – треугольник, – которая в равной мере присуща и тому, и другому стилю, и так хорошо выражает оба. Это относится к их пластической природе, к их внешней форме. Заметьте, далее, общий опять-таки обоим характер бесполезности или, если хотите, простой монументальности.

Именно в нем, по-моему, – их глубочайшая идея, то, что в основе составляет их общий дух. Но вот что особенно любопытно: сопоставьте вертикальную линию, характерную для этих построек, с горизонтальной, лежащей в основе эллинского зодчества, – и вы тем самым вполне определите все разнообразные архитектурные направления всех времен и всех стран. И эта глубокая антитеза сразу укажет вам отличительную черту всякой эпохи и всякой страны, где только она обнаруживается. В греческом стиле, как и во всех более или менее приближающихся к нему, вы найдете чувство оседлости, домовитости, привязанность к земле и ее утехам; в египетском и готическом монументальность, мысль, порыв к небу и его блаженству; греческий стиль со всеми производными от него оказывается выражением материальных потребностей человека, вторые два – выражением его нравственных устремлений; другими словами, пирамидальная архитектура является чем-то освященным, небесным, горизонтальная же – человеческим и земным. Скажите, не воплощается ли здесь вся история человеческой мысли, сначала устремленной к небу в своем природном целомудрии, потом, в период своего растления, пресмыкавшейся во прахе, и, наконец, снова вознесенной к небу всемогущей десницей Спасителя мира!

Надо заметить, что архитектура, еще ныне существующая на берегах Нила, без сомнения, старейшая в мире. Есть, правда, древность еще более отдаленная, но не для искусства. Так, циклопические постройки, и в том числе индийские, наиболее обширные в этом роде, представляют собой лишь первые проблески идеи искусства, а не произведения искусства в собственном смысле слова, поэтому с полным правом можно утверждать, что египетские памятники содержат в себе первообразы архитектурной красоты и первые элементы искусства вообще. Таким образом, египетское искусство и готика действительно стоят на обоих концах пути, пройденного человечеством, и в этом тождестве его начальной идеи с той, которая определяет его конечные судьбы, нельзя не видеть дивный круг, объемлющий все протекшие, а может быть, и все грядущие времена.

Но среди разнообразных форм, которые постепенно принимало искусство, есть одна, заслуживающая с нашей точки зрения особенного внимания, именно готическая башня, высокое создание строгого и вдумчивого северного христианства, как бы целиком воплотившее в себе основной принцип христианства. Достаточно будет немногих слов, чтобы объяснить вам ее значимость в области искусства. Вы знаете, как прозрачная атмосфера полуденных стран, их чистое небо и даже их бесцветная растительность способствуют рельефности очертаний греческих и римских памятников. Прибавьте сюда этот рой прелестных воспоминаний, которые витают и группируются вокруг них и окружают их таким ореолом и столькими иллюзиями,

- и вы получите все элементы, составляющие их поэзию. Но готическая башня, не имеющая другой истории, кроме темного предания, которое старая бабушка рассказывает внукам у камелька, такая одинокая и печальная, ничего не заимствующая от окружающего, - откуда ее поэзия? Вокруг нее - только лачуги да облака, ничего больше. Все ее очарование, значит, в ней самой. Это мнится, - сильная и прекрасная мысль, одиноко рвущаяся к небесам; не обыкновенная земная идея, а чудесное откровение, без причины и земных корней, увлекающее нас из этого мира и переносящее в лучший мир.

Наконец, вот черта, которая окончательно выразит нашу мысль. Колоссы Нила, так же как и западные храмы, кажутся нам сначала простыми украшениями. Невольно спрашиваешь себя: к чему они? Но, присмотревшись ближе, вы заметите, что совершенно так же обстоит дело и с красотами природы. В самом деле: вид звездного небосвода, бурного океана, цепи гор, покрытых вечными льдами, африканская пальма, качающаяся в пустыне, английский дуб, отражающийся в озере, - все наиболее величественные картины природы, как и изящнейшие ее произведения, точно так же сначала не будят в уме никакой мысли о пользе, вызывают в первую минуту лишь совершенно бескорыстные мысли; между тем в них есть полезность, но на первый взгляд она не видна и только позднее открывается по размышлению. Так и обелиск, не дающий даже достаточно тени, чтобы на минуту укрыть вас от зноя почти тропического солнца, не служит ни к чему, но заставляет вас поднять взор к небу; так великий храм христианского мира, когда в час сумерек вы блуждаете под его огромными сводами, и глубокие тени уже наполнили весь неф, а стекла купола еще горят последними лучами заходящего солнца, более удивляет вас, чем чарует своими непостижимыми размерами; но эти размеры показывают вам, что человеческому творению было дано однажды для прославления Бога возвыситься до величия самой природы¹. Наконец, когда теплым летним вечером, идя по долине Рейна, вы приближаетесь к одному из этих старинных средневековых городов, смиренно простершихся у подножья своего колоссального собора, и диск луны в тумане реет над верхушкой гиганта, - зачем этот гигант перед вами? Но, может быть, он навеет на вас какое-нибудь благочестивое и глубокое мечтание; может быть, вы с новым пылом падете ниц перед Богом этой могучей поэзии; может быть, наконец, светозарный луч, исходящий от вершины памятника, пронизает окружающий вас мрак и, осветив внезапно путь, вами пройденный, изгладит темный след былых ошибок и заблуждений! Вот почему стоит перед вами этот гигант.

А после этого идите в Пестум и опять ждите впечатлений. Вот что с вами случится: вся изнеженность, все соблазны языческого мира, приняв самые обольстительные формы, внезапно встанут толпой вокруг вас и опутают вас своей фантастической сетью; все воспоминания о ваших безумнейших утехах, о самых пламенных ваших порывах проснутся в ваших чувствах, и тогда, забыв ваши искреннейшие верования и задушевнейшие убеждения, вы вопреки собственной воле будете всеми фибрами вашего земного существа поклоняться тем нечистым силам, которым так долго в опьянении своего тела и души курил фимиам человек. Ибо и прекраснейший из греческих храмов не говорит нам о небе; приятное чувство, которое внушают нам его прекрасные пропорции, имеет целью лишь заставить нас полнее вкушать земные наслаждения; храмы древних представляли собой в сущности не что иное, как прекрасные жилища, которые они строили для своих героев, ставших богами, тогда как наши церкви являются настоящими религиозными памятниками. И потому лично я испытал, признаюсь, в тысячу раз больше восторга у подножья Страсбургского собора, нежели пред Пантеоном или даже внутри Колизея, этого внушительного свидетеля двух величайших слав человечества: владычества Рима и рождения христианства. Госпожа де Сталь сказала как-то о музыке, что она одна отличается прекрасной бесполезностью и что именно поэтому она глубоко нас волнует². Вот наша мысль, выраженная на языке гения; мы только проследили в другой области тот же принцип. В общем несомненно, что красота и добро исходят из одного источника и подчиняются одному и тому же закону, что они являются таковыми лишь в силу своей бескорыстности, что, наконец, история искусства - не что иное, как символическая история человечества³.

1. ...как и во всем, выше сказанном, бесполезность есть безличность, и именно потому добро и красота связываются и сливаются в самой абсолютной и самой обширной идее нравственности⁴.

2. Нет иного права, кроме права давности⁵. В порядке нравственном, как и в природе, не совершается ныне ничего такого, что не совершалось вчера. Связь, соединяющая явления нравственного порядка, та же, какая соединяет явления физические - непрерывность, преемственность⁶. Ничего нового,

никогда.

3. Есть ли это закон моего ума, или закон вселенной, я этого не знаю и мне это не важно; я знаю только одно: что вне этого круга я ничего представить себе не могу. Как могу я в эту минуту иметь право, которого не имел в предшествующее мгновение? Я могу, конечно, приобрести новое право, но речь идет не об этом праве, а о праве приобрести право, о праве первичном, о праве, которое дает право.

4. Итак, метафизика права состоит не в том, чтобы доказать, кому принадлежит то или иное право, но именно в том, чтобы показать, в чем заключается то или иное право по самой природе вещей.

5. Если бы, например, родился человек с очевидным превосходством над всеми себе подобными, это дало ему естественное право на превосходство. Но так как все люди рождаются с одинаковыми способностями, то естественного права не может быть ни для кого. Однако раз человек создан таковым, в течение своей жизни он может приобрести истинное превосходство над другими людьми, – право авторитета по необходимости пребывает в руках некоторых из нас; создать его нельзя, все, что можно сделать – это засвидетельствовать его. Но право это принадлежит не той личности, которая случайно им облечена; оно заключается в подлинной мощи, которой обладает это лицо. Сомневаться в этом праве – то же самое, что сомневаться в силе, которая придает тяжесть телам, которая удерживает солнце, которая заставляет вращаться землю⁷.

6. Таково начало, на котором зиждется всякая власть в обществе, но оно, конечно, вопреки обычному представлению, не в каком-то молчаливом или определенно выраженном договоре, каковой, разумеется, мог быть заключен только после того, как общество было вполне организовано⁸.

7. Владение вещественной собственностью также не имеет иного основания. Что делает тот, кто оспаривает право собственности кого-либо, на что-либо? Доказывает, что он не обладает им за минуту до этого, вот и все.

8. Если бы уметь подняться до первого звена той цепи, которую держит Юпитер, то можно достичь начала всего, – как права, так и всего остального⁹. А пока что признаем, что в этом мире прошедшее создает настоящее; поэтому начало и причину всякого явления следует искать во времени; вне времени ничего.

9. Наконец, право может даровать лишь свободу действовать согласно общему закону вселенной, поэтому основным является право самосохранения. Ведь общий закон всецело заключен в непрерывности, устойчивости, сущего; непрерывность механическая, непрерывность жизненная, непрерывность интеллектуальная, непрерывность нравственная – все виды существования в мире. В ясной идее этого существования заключается правило всякого нравственного действия, как в ясной идее жизни физической заключен подлинный закон физического мира¹⁰.

10. В разуме человеческом есть нечто столь необходимое, что если от него нечто отнять, не будет и разума. При помощи этого нечто разум начинает познавать на опыте: всякая его последующая деятельность не что иное, как последствие этого первого действия.

11. Это нечто – известные понятия, которые являются как бы орудиями разума. Их называют свойствами души. Но что такое свойства души? Есть ли в уме человеческом что-либо иное, кроме идей, еще раз идей и всегда только идей? Не является ли ум человеческий чем-то иным, нежели совокупностью идей? И как может в нем зародиться идея иначе, чем вытекая из другой идеи? Странная фантазия! Попытаться источник наших идей свести к опыту, эмпирии¹¹. Мы не сохраняем воспоминания о первых годах нашей жизни, – как же вы хотите проследить человеческую мысль до ее зарождения? Это невозможно. Раз мы сами не являемся свидетелями того, что происходит и нас с самого начала, кто может быть этим свидетелем? Для того, чтобы наблюдающий за ребенком умозрительный философ мог понять то, что происходит в этом детском мозгу, он должен был бы одновременно быть и философом и ребенком или же сохранить воспоминания о том, что происходило в его собственном мозгу в то время. Да и зачем все это? Изучайте уж тогда зародыш в утробе матери, – жизнь начинается там, а не при свете дня.

12. Вы спрашиваете: когда в человеческом существе появляется разум? Что я

знаю об этом? Я знаю только то, что ни в одном возрасте своей жизни человек не имел бы разума больше, чем в период утробной жизни, если бы оно не было дано ему извне.

13. Всякая система психологическая, идеологическая, антропологическая и т.д. не хочет знать ничего, кроме отдельного человека, индивидуума, одного среди себе подобных, но физиология, естественная история – это еще не философия. Философия знает только человека как произведение самого человека в последовательности времен¹².

14. Тщеславие порождает дурака, надменность – злобу. Один и тот же человек будет глуп или жесток в зависимости от того, владеет ли им тщеславие или надменность. Переждите минуту, приступ прошел, вот он опять рассудителен и добр.

15. Большей частью люди представляются нам не такими, каковы они на самом деле, а такими, какими мы их создаем сами. Это потому, что мы всегда принимаем в расчет их тщеславие или их надменность. Но тем более мы должны пенять на себя за все свои неудачи в отношениях с себе подобными.

16. Внимательно приглядываясь к самому себе, понимаешь, что был то глуп до неузнаваемости, то зол до самобоязни, а иногда добр и мудр, так что хочется пасть ниц перед самим собой. И все это почему? Потому что бываешь то тщеславен, то надменен, а иногда ни тем, ни другим. Быть может, человек никогда не бывает одновременно тщеславен и надменен, я этого не знаю; если бы он дошел до такого состояния, он стал бы и глуп и жесток, и тогда он уже не мог бы вернуться к подлинному своему душевному строю, ибо в его душе не осталось бы ничего, что послужило бы к его просветлению, – ни сердца, ни разума.

17. Человек, находящийся в таких условиях, что его тщеславие беспрестанно возбуждено, а надменность беспрестанно задета, никогда, даже во сне, не будет тем, что он есть на самом деле; во все минуты своей жизни он будет таким, каким создало его роковое стечение обстоятельств, в которые он попал. Так и создаются эти неприступные натуры, столь тягостные для других, сами столь несчастные. Их нередко встречаешь в обществе; часто это люди неплохие, иногда даже достойные, но загубленные своей несчастной звездой и малодушием, не позволяющим им избавиться от власти обстоятельств. Их ненавидят, их надо пожалеть.

18. Положение наиболее, по-моему, благоприятное для умиротворения страстей, для полного обладания нашими способностями – это сознательное подчинение, добровольно приносимое авторитету вполне законному¹³. Для множества людей, например, самое желательное – это находиться под воздействием человека, суждения и характер которого они научились уважать; для того, чтобы быть счастливым, им нужно только уметь подчинить себя тому, чтобы проводить жизнь под сенью чужого разума. Однако именно этого они не хотят; лучше быть несчастными, чем подчиненными; таково большинство людей.

19. Следует ли рассматривать вдохновение как явление настолько сверхъестественное, что оно уничтожило бы обычный ход природы? Нисколько. Достаточно рассматривать его как следствие прямого действия неизвестного начала на силы природы нравственной, соразмерно которой эти силы получают несравнимо более значительное напряжение, чем то, которое они имели бы в их данном состоянии.

20. Только бы понимали, что это возвышение могущества ума исходит не от создания, а от создателя; что оно согласуется с одним общим планом¹⁴; что оно оказывается действием не личным, по отношению к действию всеобщему, как и всякая божественная эманация: остались бы совершенно православными и, сверх того, имели бы то преимущество над крайним догматиком, что лучше него постигли бы предмет его веры. Таким образом, знание, полученное в откровении, является не чем иным, как знанием высшим по сравнению с тем, которое приобретается обычным разумом; по никак не знанием сверхъестественным.

21. Являясь человеческому уму, Бог не полностью себя обнаруживает: никто не видел лика Отца¹⁵. Следовательно, данный порядок не нарушен: поразительное увеличение природных сил, и более ничего, Первоначально сообщенный им толчок и следующий раз возобновлен той же рукой, которая его придала ему прежде. Где же чудо?

22. Впрочем, хорошо ли известны все способы познания, которыми владеет душа? Известны ли все сочетания, все возможные проявления ее свойств? Почему в некоторые эпохи при особых стечениях обстоятельств в природе человека не могли бы развиваться или пробудиться новые силы, новые способности? А в другое время угаснуть из-за недостатка пищи или упражнения? В следующий раз появиться вновь, - и всегда согласно плану, начертанному провидением? И опять, где же чудо? Наконец, если в человеке есть нечто, именуемое свободной волей, нет сомнения в том, что она должна иметь некую аналогию, некое тождество с высшей волей, являющейся также могуществом свободы, не больше и не меньше. И как же тогда узнать, сколько эта воля человека может получить силы, энергии, обширности, когда она встретится с другой волей, с ней соединится и в ней потеряется?

2316. Иностранца, попавшего в Англию без подготовки, без предупреждения, неприятно поражает механизм той промышленной машины, которая составляет внешнюю жизнь англичан. Не с кем обменяться мыслью. Движение невероятное¹⁷, вот все, что он находит, но ничего такого, что вызвало бы его сочувствие. И происходит это потому, что в Англии проявляет себя одна лишь деятельная мысль; но размышления, но мысль спокойная хранится в тайниках души или тесных семейных отношениях; здесь и нужно их искать. Однако если вы и получите доступ к этому сокровенному, вас, вероятно, еще раз оттолкнет та странная смесь сдержанности и эксцентричности, которая составляет отличительную черту английского характера и которая так легко может сбить с толку вновь прибывшего путешественника. Но зато, если вы будете приняты у семейного очага старой Англии, на вас прольется множество тихих радостей и симпатий, которые вознаградят вас за скуку первого приема, а если вам когда-нибудь удастся среди английской семьи, в красивом загородном доме, на зеленой лужайке с великолепными дубами и буками произнести слово home² так, как его произносит коренной житель Англии, я не знаю, ко думаю, что вы не пожалеете об утраченных воспоминаниях о вашей стране, хотя бы эта страна и была любезная Россия.

23-а. В Германии вечно плавают по безбрежному океану абстракции; в нем немец чувствует себя более дома, более по себе, чем на суше; поэтому невоздержанность мысли доходит там до крайности. Это очень понятно. Что задержит полет чистой мысли, бестелесной, ни к чему не примененной? Где здесь опасность? Когда мысль хочет воплотиться в жизни, хочет осуществиться на практике, когда с тех высот, где она парила, она опускается к положительной действительности, ей недостаточны и беспредельные пространства вселенной. Уносясь за пределы всего реального, она стремится все больше и дальше, и нет оснований ей остановиться¹⁸.

24. Однако надо признать, что в этих беспредельных странствиях души наслаждение чрезвычайное. И я думаю, что только при этом забвении действительности, при этом пренебрежении к ней душа может осуществить весь тот порыв, к которому способна, и в конечном итоге достигнуть высшего познания, доступного ей в том отрезке бытия, который она принуждена провести на земле¹⁹.

25. Слово! Что же такое слово? Взгляните на кормчего; он ведет корабль среди подводных камней, по воле своей вертит им как пловущим по воде куском дерева; это делает несколько слов, которые он время от времени произносит. Таково слово. Взгляните на поле битвы, где сто батальонов разом приходят в движение и устремляются на врага; это делает один знак, один жест генерала. Снова слово. Вообразите этот голос, еще более могучий, раздающийся во всей беспредельности природы более отчетливо, чем какой бы то ни было голос человеческий может это сделать в замкнутом пространстве. И именно этот голос есть Слово совершенное. Слово, следовательно, является голосом действенным, голосом творящим²⁰.

2621. Воображают, что пророчества Св. Писания являются не более, чем простыми предсказаниями, предвещающими будущее, только и всего. Серьезное заблуждение. Это наставления, - наставления, относящиеся ко всем временам, существенные части учения, как и все остальное.

27. Дух Святой, говоря устами своих пророков, не переделывал человеческой природы. Следовательно, сердце человека было сотворено однажды таким образом, что он может предчувствовать будущее лишь выводя его из известных настоящего и прошедшего: сердце человека, разумное по природе и действующее своей собственной властью, не может поступать иначе, если не перестанет

Чаадаев П. Отрывки и разные мысли filosoff.org
быть тем, чем оно является. Именно эту суровую связь будущего с прошлым и настоящим, скрытую от большинства людей, дано было узреть провидцам Израиля, я хочу сказать, более ясно, чем остальным смертным людям. И поскольку связь была постоянной, необходимой и абсолютной, то естественно, что и сегодня она является такой же; такой же она будет и завтра, и всегда; совершенно одинаковые обстоятельства, положения приводят во все времена к совершенно одинаковым результатам. Следовательно, поучение пророка принадлежит всем временам, всем местностям, лишь бы только его умели соответствующим образом применить.

28. Не легко, конечно, постичь эту строгую схожесть эпох. Глубокое чувство, внутреннее сознание путей Божьих, происходящее от беспредельной покорности проявлению Его высшей воли, одни только могут ее обнаружить. То же верховное начало, которое создает дар пророчества, дает также и понимание пророчества. Пророк и его истолкователь в умственной иерархии расположены на одной линии. Пророком является тот, кто в совершенстве понимает пророка.

29. Думали, например, отнести великие предвидения Апокалипсиса к определенным временным эпохам: глупая затея. Мысль Апокалипсиса – не что иное, как необъятный урок, безусловно применимый к каждому мгновению бесконечного времени, ко всему тому, что изо дня в день происходит вокруг нас. Ежедневно слышатся раздающиеся оттуда ужасные голоса; ежедневно мы видим страшные чудовища, которые оттуда показываются; мы постоянно свидетели скрежета машины мира, который в нем совершается. Словом, ежедневная, вечная, всемирная драма – вот чем является прекрасная поэма Св. Иоанна²²: и развязка этой драмы не такова, как в драмах, порожденных нашим воображением, но, согласно закону бесконечного, она продолжается вечно и начинается вместе с началом действия.

30. Мечтатели, толковавшие Апокалипсис, действовали по призыванию. Все безумства, повод к которым дала священная книга, никогда не были напрасными, все они объяснимы. Например, миллениарии²³ положительно были нужны: без миллениариев не было бы крестовых походов. Крестовые же походы в любом случае были необходимы. Во-первых, без них не могло бы образоваться новое общество. Далее, без этого поучительного деяния человеческого разуму недоставало бы величайшего примера возможного воодушевления религиозным чувством и не было бы истинной меры для великого двигателя всех дел на этом свете. Наконец, без этого грядущие поколения не имели бы воспоминания великого, необходимого, исполненного поучения и удивительно плодотворных мыслей²⁴.

31. "Он человек здравомыслящий, – говорите вы, – но, как и все, гонится за счастьем, поэтому так и суетится". Посмотрим, что же прежде всего нужно для счастья? Не нужно ли быть довольным собою и всем на свете? Но я вас спрашиваю, не одному ли только глупцу это доступно? Прекрасное средство, по-моему, отвратить людей от жажды счастья – это доказать им, что счастливы могут быть только глупцы²⁵.

31-а. Без сомнения, счастье, к которому стремится большинство людей, невозможно без тупого довольства собою и всеми. Чтобы достигнуть этого счастья, люди добиваются богатства, почестей, славы. Но после того, как все это будет приобретено, не нужно ли еще считать себя самым умным и самым совершенным из людей и быть довольным всем происходящим вокруг себя? Без этого какое счастье? Как ни представлять себе блаженство на земле, для полноты этого блаженства всегда нужно глупое самодовольство, еще более глупое равнодушие ко всему окружающему. Древние хорошо это знали. Более откровенные, более наивные, чем мы, они не имели иной морали, чем та. Что такое их мудрец? Надменный глупец, восхищающийся самим собой, нечувствительный к тому, что происходит вокруг него. В этом отношении нет разницы между Эпикуром и Зеноном²⁶. Таков самый совершенный идеал высшей мудрости, который сумел создать себе человек. Какая бездна между этой философией, вялой, неподвижной, иссушающей, и той, которая нам говорит: ищите царствия небесного и все остальное приложится вам²⁷. И, однако, что же может быть проще поучения, содержащегося в этих прекрасных словах Спасителя? Не ищите, говорил он, блага для самих себя, ищите его для других, – оно неминуемо к вам придет, даже если вы не будете об этом заботиться: не содержится ли ваше личное счастье в счастье общем?

32. Прочь себялюбие, прочь эгоизм. Они-то и убивают счастье. Жить для других значит жить для себя. Доброжелательность, бесконечная любовь к себе

Чаадаев П. Отрывки и разные мысли filosoff.org
подобным – вот, поверьте мне, истинное блаженство; иного нет.

33. Не есть ли все движение вещества результат звуковых и гармонических колебаний, воздушного флюида или какого-либо иного подобного флюида, еще более тонкого, более эфирного, который проникает в самые плотные тела и действует непосредственно на составляющие их элементарные молекулы?

34. Для нас звук – это нечто, действующее на наш орган слуха. Но почему не может он быть, по своему гармоническому действию, началом или причиной бесчисленного множества изменений и преобразований вещества, законы и причины которых нам ныне неизвестны?

35. Колебания воздуха – вот что на самом деле звук. Но может ли воздух колебаться, не воздействуя известным образом на окружающие его тела? Впрочем, противное уже доказано.

36. Несомненно, воздух находится в постоянном движении. Почему же, например, этим непрерывным движением воздухообразной природы не могут быть вызваны некоторые из необъяснимых явлений природы органической, происходящие внутри тел, как то: восходящее движение соков в растениях, кровообращение в животных и т.д., явлений, находящихся так или иначе в противоречии с известными нам законами природы, а именно с законом всеобщего тяготения? Я, например, не вижу, почему не могли бы в результате этого движения создаваться известные созвучия между частицами мозгового вещества, волокнами и пр., находящимися между собой в определенных гармонических отношениях, будь то в одном и том же существе или в разных, и почему не могут эти созвучия привести к некоторым действиям, которые нас удивляют? Если волнообразное движение воздуха может вызывать колебания струны, натянутой в созвучии с другой струной, почему, я вас спрашиваю, нерв не может испытать тех же колебаний и по той же причине?

37. Конечно, все это пока только вопросы: но согласитесь, что если бы на эти вопросы были ответы, какие огромные возможности применения открылись бы тогда для науки о числах и как была бы расширена область математической достоверности²⁸!

38. Существует ли бесконечность пространства, я не знаю, но знаю, что существует бесконечность времени, что эта бесконечность, эта неизменяемая длительность, эта беспредельная преемственность всего и есть сама жизнь или совершенное существование²⁹. И прежде всего: конечное множественно, бесконечное – нет. Идея множественности сливается в моем уме с идеей уничтожения; идея единства – с идеей вечности. Итак, уничтожение для меня есть зло, вечность – добро, зло стремится только к уничтожению, благо только к сохранению; следовательно, вечность, благо, жизнь – это одно и то же.

Я называю это двумя конечными идеями человеческого разума, ибо они находятся на двух концах той черты, которая является его мериллом. Все другие идеи человека заключаются в этих идеях или связываются с ними, так что разум человека не может знать ничего такого, с чем не была бы связана идея уничтожения или идея сохранения. Будучи основой всех наших суждений, и не только суждений но и всех наших чувств, эти рамки, в пределах которых происходит все движение нашего разума, являются, бессознательно для нас, законом нашего мышления. Заметьте, что даже идеи числовые, как ни кажутся они чуждыми этим понятиям, все же не выступают за их пределы, ибо идеи числовые – это идеи деления и сложения: делить значит уничтожать, складывать значит производить.

Мысль нравственная особенно, на мой взгляд, не может иметь иной основы, кроме этой. Всякая идея совершенства, красоты, гармонии, добродетели, любви есть только видоизменение идеи сохранения; всякая идея несовершенства, безобразия, раздора, порока, ненависти, есть видоизменение идеи уничтожения. Мы не можем представить себе ничего доброго или прекрасного, не приписывая ему в то же время длительности, непрерывности, устойчивости, или представить себе зло, безобразие, не соединяя их с идеей неустойчивости, прерывности, уничтожения. Таким образом, наш ум постоянно пребывает между мыслью о жизни и смерти, и, действительно, лишь эти две мысли управляют им.

Следует заметить, что чувство самосохранения совершенно не входит в эти элементарные понятия нашего разума. Начало самосохранения есть начало мира

Чаадаев П. Отрывки и разные мысли filosoff.org
животного, совершенно отличное от начала нравственного³⁰. Следовало их объединить, чтобы создать совершенную жизнь; именно это и сделала христианская философия, внося идею вечного спасения, как блага совершенного.

39. Предположим, что исторический факт утверждения христианства будет объяснен самым естественным образом, подобно, например, развитию иудаизма под влиянием его смещения с восточной философией и философией греческой, ... спрашивается, в чем здесь доказательство, опровергающее откровение? Когда же Спаситель утверждал, что Отец открылся ему в явлении необычном и внезапном, в каком сам он, например, впоследствии явился апостолу Павлу³¹? И не сказано ли нам, что он слушался и вопрошал учителей, и еще что ребенок возрастал и укреплялся духом³²?

40. Есть историческая правда факта, есть историческая правда смысла: в истории есть анализ, но есть там и синтез; я бы даже сказал, что в истории есть *a priori* не в меньшей степени, чем *a posteriori*³³.

41. Без всякого сомнения наиболее истинным в истории является не то, что она повествует, а то, что она мыслит, что она воображает, что она измышляет. В этом смысле поэтические представления могут быть ближе к истине, чем самый добросовестный рассказ, точно так же как чистое рассуждение часто достовернее опыта. Связь между событиями можно себе только представить, в хронике ее не отыщешь: здесь бесполезны заключения чисто рассудочные, ибо рассудок, в конце концов, не может овладеть прошлым, всецело являющимся достоянием воображения и поэзии. К тому же, очевидец очень часто, а может быть и никогда, не видит событие таким, каким оно было, и по истечении веков глубокий мыслитель представляет себе исторические события вернее, чем современник, в них участвовавший. Что должен был для этого проделать мыслитель? Он исходил из принципа, стоящего вне течений исторических событий, т.е. из принципа априорного. Вот измышление и вместе с тем высшая историческая правда. Можно сказать, что этой правды нет в самой истории, но что она внесена в нее мыслью. Такова правда, которую мы находим у Нибура, у Гизо³⁴ и др.

42. После того, как много рассказано, остается еще разгадывать. Тогда множественность событий, хаос фактов исчезает, подчиняясь рассуждению; на место рассказа появляется аргумент, силлогизм и, в конце концов, нравственный закон времен.

42-а. История нашей страны, например, рассказана недостаточно; из этого, однако, не следует, что ее нельзя разгадать. Мысль более сильная, более проникновенная, чем мысль Карамзина, когда-нибудь это сделает. Русский народ тогда узнает, что он такое, или, вернее, то, чего в нем нет. Он принимает себя теперь за такой же народ, как и другие; тогда, я уверен, он с ужасом убедится в своем нравственном ничтожестве; он узнает, что провидение пока еще давало ему жизнь лишь для того, чтобы иметь в его лице динамическую силу в мире, и пока еще не для того, чтобы проявить себя сознательно. Тогда мы поймем, что имеем вес на земле, но еще не действовали. Подобно тому, как народы, образовавшие новое общество, были сначала призваны на мировую арену как материальная сила и заняли свое место в порядке сознательном лишь после того, как подчинились игу его закона, точно так же и мы в настоящее время представляем только силу физическую; силой нравственной мы станем тогда, когда совершим то же, что совершили они. Но когда это будет³⁵?

43. Неверующий, на мой взгляд, уподобляется неуклюжему циркачу на канате, который, стоя на одной ноге, неловко ищет равновесие другой. Но и плохой циркач требует оплаты за свои штуки. А тот другой циркач, что получит он за свой труд? Насколько я знаю, ничего кроме утомления. Когда видишь, как он балансирует, за него становится страшно; хочется протянуть ему руку и сказать; слезай, приятель, иначе ты сломишь себе шею.

44. "Many are poets, that have never penn's3", - сказал Байрон³⁶. Но что бы он ни говорил, одна только мысль не создает поэта, она должен еще уметь ее выразить, ибо поэтическая мысль не полна, пока она не облечена в слово. Поэтическое вдохновение, на мой взгляд, есть столько же вдохновение слова, сколько вдохновение идеи. Мысль безмолвна, мысль бесплотна, между тем вся поэзия есть плоть, хотя бы, как в настоящее время, она лишь рассуждала. Нельзя быть поэтом в прозе. Все великие прозаики, которых причисляют к поэтам - Фенелон, Бюффон, Руссо³⁷, - не обладали, по-моему, ни малейшим

Чаадаев П. Отрывки и разные мысли filosoff.org
даром поэтического творчества. Вещественный элемент этого дара ее обуславливает. Я требую от поэта, чтобы он потряс мои нервы точно так же, как и мою душу.

45. Поэзия дана нам для того, чтобы слить физический мир с умственным и чтобы прельстить ум этим слиянием. Музыка была призвана к тому же и она предшествовала поэзии, но она одна была бы не в силах осуществить это действие: ей сопротивлялся бы ум. Необходимо было обмануть ум; так возникла поэзия.

45-а. Правы те, кто в умозрении опираются на закон противоречий: это, без сомнения, величайший закон, но по отношению к Богу он не более применим, чем любой другой закон, созданный ограниченным разумом человека; сущность Бога в том и состоит, что в его всемогуществе исчезает всякое противоречие, и невозможное нам – возможно ему.

46. Когда разум один стремится познать Бога, он создает себе Бога своими руками, не пытаясь постигнуть Бога сущего. Поэтому, если бы Бог не открыл себя людям, человек знал бы только того Бога, который есть дело рук человеческих.

Но говорят: итак, Он открыл себя человеку во всей полноте своей? Отнюдь нет. Он явил себя настолько, насколько это было необходимо для того, чтобы человек мог искать Его в этой жизни и найти Его в иной – вот и все.

47. Что такое ангелы? Разумные существа, превосходящие разумную сущность человека и недоступные нашему чувству. Почему бы им не быть? Мне кажется, дело тут не в сомнении, а в неизвестности. В книге Бытия не упоминается о сотворении ангелов, но она касается не возникновения всех вообще вещей, а только того, что относится к человеку. Это и есть, по-моему, одна из черт, всего более отличающих ее от всех известных космогоний; одно из важнейших доказательств истинности того происхождения, которое ей приписывают. В ней говорится именно только то, что необходимо было сказать: не напоминает ли это физический закон наименьшего действия? Немало встречается ангелов в дальнейшем в Библии: но это язык того времени. Бог может говорить с человеком только на языке человека; нас не должно удивлять, что он хочет, чтобы человек понял его, когда он снисходит, обращается к нему.

Но вера в ангелов не должна на этом основываться, иначе каждое слово священной книги становилось бы догматом.

48. Итак, является ли верой учение об ангелах? Безусловно, нет. Более того, может ли человек, созданный по образу Божьему, законно признать существа более высокого порядка, чем он сам? Сомневаюсь в этом. Иисус не был ангелом, но он был Богом и человеком одновременно. Думаю, поэтому позволено усомниться в том, что между умственной природой человека и умственной природой Бога имеется некая промежуточная природа. Однако исключительно верным является то, что во все времена толпа, так же как и наиболее глубокие умы, была склонна допускать свойства более совершенные, чем наши собственные свойства. Вполне можно не придавать значения этому верованию, но отвергать его как грубое суеверие кажется мне суеверием еще грубейшим³⁸.

49. Сведенборг был, человеком глубокомысленным. Но только он был неправ, создав эзотерическое учение³⁹: это лишь уменьшило действие, которое его труды произвели бы сами по себе. Но что касается его короткого знакомства с небесными силами, то тут удивляться нечему. Я удивился бы гораздо больше, если, при том, как устроен его ум, он не был бы с ними накоротке.

50. Вы часто слышали, что сон есть подобие смерти; это совершенно неверно. Я нахожу, что именно сон скорее есть настоящая смерть, а то, что называется смертью, быть может, и есть жизнь? Во сне жизнь моего Я прерывается, в смерти этого нет; ибо, если бы при этом перестало существовать мое Я, наступило бы уничтожение. Из могилы нет возвращения, но после сна мы возвращаемся к своему Я. Но скажите, жизнь ли это, когда нет мысли о том, что живешь, хотя бы в течение данного мгновения⁴⁰?

51. Дело в том, что в сущности настоящая смерть содержится и в самой жизни. Мы бываем мертвы, совершенно мертвы половину нашей жизни без преувеличения, без иносказания, но в буквальном, истинном смысле слова мертвы. Тысячу раз в день, если вы внимательно посмотрите на самих себя, вы увидите, что за

мгновение перед тем в вас было не больше жизни, чем до вашего рождения; что в вас не было ни малейшего сознания своих поступков, ни даже ощущения своего существования. Где же тут была жизнь? Жизнь дерева, в лучшем случае жизнь зоофита⁴¹, даже не жизнь одушевленного существа и уж, конечно, не жизнь существа разумного.

52. Жизнь то и дело ускользает от нас, затем она возвращается, но было бы неверным утверждать, что мы живем непрерывно. Жизнь разумная прерывается всякий раз, когда теряется сознание. Чем больше таких минут забвения, тем меньше жизни сознательной, а если нет ничего, кроме таких минут, это и есть смерть. Чтобы умереть таким образом, не нужно уходить из этой жизни, а другой смерти, конечно, нет. Смерть в жизни – только и есть смерть.

53. Однако условимся. Когда я говорю: сознание, я подразумеваю не то идеологическое сознание, на котором построена современная философия, простое чувство нашего существования⁴². Я подразумеваю иное сознание, благодаря которому мы не только чувствуем, что живем, но и знаем, как мы живем. Я подразумеваю дарованную нам власть во всякую данную минуту влиять на минуту грядущую, творить самим свою жизнь, вместо того чтобы предоставить ее собственному течению, как это делает скотина. Окончательная утрата этого сознания – вот что убивает безвозвратно, и знаете ли почему? Потому что это и есть вечное проклятие. Может ли разумное существо навлечь на себя большую муку, чем небытие?

54. То, что язычники называли мудростью, добродетелью, высшим благом, все это мы называем небом.

55. Я очень хорошо знаю, откуда ко мне приходят дурные мысли; одни лишь сумасшедшие думают, что знают, откуда к ним приходят хорошие⁴³.

56. Христианское милосердие: разум, лишенный способности относиться к самому себе.

57. Хорошо устроенный ум так же естественно тяготеет к верованию, к подчинению, как дурно устроенный ум отвергает всякое верование, сопротивляется всякому подчинению.

57-а. философ делает из Бога закон, гармонию, вселенную, не знаю что еще; затем говорит: божество невозможно постигнуть. Думаю, что так. Как я постигну этого Бога – несвязного, умноженного до бесконечности, разум и материю одновременно? Но это совсем не тот Бог, который есть сущий⁴⁴, это Бог, которого создали вы. Из самой простой идеи вы сделали самую сложную; по правде говоря, удивительно, что вы не знаете как вбить ее себе в голову.

57-б. Мы знаем лишь небольшую частицу нашего бытия, ту, которая относится к настоящей жизни; мы хорошо знаем, что оно продолжается гораздо дольше, и при всем этом – неслыханное дело! – мы хотим постигнуть закон нашего бытия и во всей его полноте.

58. Пантеист называет мир "Всё"⁴⁵. Он предполагает его совершенным. Причину и начало всего он находит во "Всем". Это "Всё" вечно, бесконечно, разумно, оно охватывает все времена, все пространства. Наконец, все атрибуты, которые деист находит в боге, пантеист находит в своем "Всё".

Ну, пусть будет так. Система совершенно последовательная и которую можно строго доказать. Стоит только признать "Всё" – и остальное будет лишь необходимым выводом из установленного таким образом начала.

Но все это, очевидно, сводится к замене одного слова другим, так что Спиноза мог быть весьма религиозным и, без сомнения, был таковым; в самом деле, читая его, поневоле увлекаешься чем-то чрезвычайно благочестивым, что видно сквозь математическое дерзновение его аргументации и производит тем большее впечатление, чем менее его ожидаешь.

Впрочем, пантеизм есть во всяком преувеличенном преклонении перед природой; силясь видеть сознание всюду, превращают все в сознание и таким образом оказывается, что вся вселенная есть единый великий разум, как у пантеиста. Посмотрите на Бонне, Палея⁴⁶ и других.

59. Инстинкт животный и инстинкт человеческий – две совершенно различные

Чаадаев П. Отрывки и разные мысли filosoff.org
вещи. Первый – это импульс физический, или чувственный; второй – смутное восприятие разума, которое смешивается с ощущением лишь потому, что оно смутно, но на самом деле оно совершенно от него отличное. Человек обладает инстинктом не так, как обладает им животное; это исключало бы разум; он обладает им свойственным ему одному образом. В человеке инстинкт сам по себе ничего не определяет; он действует в нем лишь в соединении с его разумом, энергию которого иногда усиливает, а иногда и ослабляет. У животных инстинкт является единственной основой всей их активности; именно поэтому власть его в них так сильна, а в некоторых случаях как будто превосходит даже силу человеческого разума⁴⁷.

60. Что нужно для того, чтобы ясно видеть? Не смотреть сквозь самого себя.

61. Что такое христианство? Наука жизни и смерти⁴⁸.

62. Что такое общественный порядок? Временное лекарство от временного недуга.

63. Что делают законодательные, политические, юридические и им подобные учреждения? Они исправляют зло, ими же вызванное⁴⁹.

64. Кем стали варвары, разрушители древнего мира? Христианами.

65. Чем сделался бы мир, если бы не пришел Иисус Христос? Ничем.

66. Случалось ли кому-нибудь видеть во сне, что дважды два – пять? Нет. Зачем же говорить, что во сне мы не пользуемся нашим разумом?

67. Как поступают с мыслью во Франции? Ее высказывают. В Англии? Ее применяют на практике. В Германии? Ее переваривают. А как поступают с ней у нас? Никак; и знаете ли, почему?

68. Люди воображают, что находятся в обществе, когда сходятся в городах или в других огороженных местах. Как будто тесниться один к другому, сбиваться в кучу, держаться стадом, как бараны, – означает жить в обществе.

69. Лет пять тому назад я встретил во Флоренции человека, который мне очень понравился⁵⁰. Я провел с ним только несколько часов; часов, не больше, правда, очень приятных и очень хороших; и я не сумел еще извлечь из этого человека всей пользы, которую можно было извлечь. Это был английский методист, обосновавшийся, кажется, в миссии на юге Франции; но когда я с ним познакомился, он только что возвратился из Святой земли. В нем было странное смешение пыла и благочестия, живого интереса к великому предмету своей заботы – религии, и безразличия, холодности, спокойствия ко всему остальному. В галереях Италии великие произведения искусства его почти не трогали, но маленькие саркофаги времен первых веков Церкви особенно его занимали. Он их рассматривал и размышлял о них с воодушевлением; в них он видел что-то святое, трогательное и глубоко поучительное, и он погружался в размышления, которые они у него вызвали. Итак, я провел с этим человеком лишь несколько часов – время совсем непродолжительное почти мгновение; с тех пор я не имею о нем никаких известий. И что же! С этим человеком я в настоящее время общаюсь больше, чем с кем бы то ни было. Не проходит и дня, чтобы я не вспоминал о нем; и всегда с волнением, с мыслью, которая среди моих столь великих печалей меня поддерживает, среди столь многочисленных разочарований меня поддерживает. Вот настоящее общество для разумных существ; поистине, вот как две души влияют друг на друга: пространство и время здесь не могут ничего поделать.

70. Часто слышно, как про старика говорят – он впал в детство, бедняга! Нет, дело в том, что он еще не вышел из детства. Взгляните на его жизнь: он всегда был ребенком, и теперь он продолжает быть только тем, чем всегда был.

71. Блажен бы был человек, если бы он мог возвращаться назад. Это невозможно! Установленный порядок требует, чтобы он все продвигался и продвигался вперед, ни единого шага назад, вперед беспрестанно, и чтобы он копил (на свою голову) грех за грехом. Но после смерти, тогда – да, именно тогда – божественное милосердие – надо на него уповать – позволит ему на мгновение остановиться, пересмотреть прошедшее время, может быть, даже немного отступить назад.

72. Однако вы знаете, что существует христианское вероисповедание; оно не признает чистилища; оно хочет, чтобы мы, поджавши ноги, прямо перескочили бы из этой жизни в ту, другую, где все непреложно, невозвратно, неисправимо. Жестокое учение, еще более жестокое, чем ложное⁵¹.

73. Если вы захотите узнать, что такое душа животных, то (простите пожалуйста) обратите внимание на то, что происходит в вас самих в течение половины дня, и вы получите об этом некоторое представление.

74. Заметьте, что и самое умное животное ничего не доказывает. Если мы иногда и видим колебания животного перед переходом к действию и как бы его размышления, то ведь не знаем предела его ощущений и как далеко они могут зайти в тех существах, которые руководствуются только ими. Животным присуща подражательность чисто чувственная, почти механическая, и если бы нам удалось ее вполне понять, она объяснила бы нам все, что в них происходит, так что не осталось бы ни малейшего основания для непонимания. Мы сами подражаем множеству вещей совершенно машинально, вовсе того не подозревая; бессознательно перенимаем привычки людей, с которыми живем; присваиваем себе их приемы, подражаем их движениям и даже их интонациям. В этом выражается наша чисто животная природа.

Что касается до некоторой способности к совершенствованию, которую мы находим у животных, то для объяснения ее нет нужды прибегать к ощущениям; достаточным объяснением служит закон органической жизни. Разве у растений нет своих привычек? Мы могли бы привить им и новые, если бы лучше знали их строение, – это составило бы воспитание растений; значит и здесь было бы движение вперед, как и у животного.

Бюффон и другие натуралисты говорили приблизительно то же. Но необходимо обратить особое внимание на соображение, доставленное нам опытом, нашей собственной природой. Ибо самое важное для нас – понять, что вовсе не в течение всего дня человек остается человеком; до этого далеко.

Бюффон, если мне не изменяет память, отрицая у животных всякое разумение, приписывает им в то же время своего рода сознание собственного бытия⁵². Странная мысль! Всегда ли я сам имею это сознание? Более того, не нужно ли мне сделать известное усилие, чтобы придти к этому сознанию? Неужели животное обладает чем-то таким, чем и я не обладаю постоянно? Вздор!

75. Будем повторять непрестанно: как можем мы быть несчастными? Разве мы не сотворены по образу Божьему⁵³?

76. Да, все отражается в сознании. Нет в природе того закона, который не повторялся бы в моем Я. Все явления физического мира воспроизводятся в мире интеллектуальном. Мысль внутри себя воспроизводит все движения природы. Но мысль знает, а природа не знает. Жизнь мысли есть познание, жизнь природы есть пассивное движение⁵⁴. Когда мысль перестает сознать, она перестает существовать. Вот почему Спаситель сказал: Вечная жизнь состоит в том, чтобы познать тебя, Отец мой⁵⁵.

77. Человек на протяжении всей своей жизни может верить в уничтожение своего бытия; но за минуту до смерти он в него никогда не верил и никогда не поверит. В то самое мгновение, когда он чувствует, что распадается, он чувствует, что продолжает существовать. Вот, я полагаю, великое начало всеобщей устойчивости сущего, на этот раз выраженное в высшей степени нашего Я⁵⁶.

78. В природе есть пластическая сила, творящая одни формы. Это и есть, вероятно, истинное жизненное начало, заключающее в себе все естественные силы. Нигде она не проявляется так наглядно, как в кристаллизации: там нужно ее изучать и о ней размышлять. Действительно, странное это явление кристаллизация⁵⁷. Чистая геометрия! И обратите внимание, так действует природа при образовании первоначальных тел: необъятный предмет для размышления.

79. Есть сила разума и есть соответствующая ей сила воображения. Не ближе ли подходят эти две силы всемирной природы к силе творческой, не лучше ли всего подражают ей? Весьма возможно.

80. Что делают, совершая молитву? Даруют жизнь своей душе: труд поистине божественный. Тот же, кто даровал жизнь бесчисленному множеству душ, тот,

кто не перестает даровать ее вечно, тот, кто до скончания веков не будет делать ничего иного, как всегда и везде распространять, сеять жизнь, является ли он Богом или нет, я вас об этом спрашиваю?

81. Что такое разум? Я не знаю иного разума, кроме своего собственного; его же не называю разумом; я называю его ничтожеством: скажите, разве я не властен над ним?

82. Думаете ли вы, что человек от природы лучше понимает смерть, чем рождение? Конечно, нет. Он видит, как вокруг него существа образуются и разрушаются, и, среди прочих, – существа ему подобные; он не знает, существовали ли они ранее в ином образе – прежде, чем обрести образ нынешний; он не знает, будут ли они жить, если его утратят; однако он думает некоторым образом постичь смерть, поскольку он ее боится. Боится он отнюдь не страдания, поскольку он не знает, будет ли страдание; также боится он не уничтожения, поскольку что же устрашающего в прекращении существования? Выходит, он узнал, не знаю как, что после смерти он еще будет жить. Но он не знает, какой будет та, другая жизнь, и жить этой новой жизнью, и образом, отличным от образа настоящего, кажется ему ужасным. Вот еще одно из великих преданий, зародившееся в незапамятные времена точно так же, как и фундаментальные идеи человеческого ума, которые он также не сам себе даровал, но которые должны были быть ему сообщены в то время, когда во вселенной создавалось разумение.

83. Но что же такое смерть? Не что иное, как то мгновение в целом бытии человека, когда он перестает ощущать себя в своем теле, – и ничего более.

84. Ни бессмертие души, ни ее бесплотность не могут быть строго доказаны. Но что может быть доказано, так это ее существование после того мгновения, которое мы называем смертью; и ничего более не нужно для всеобщей нравственности⁵⁸.

85. Христианин непрестанно переходит с земли на небо и с неба на землю, и кончает тем, что поселяется на небе.

85-а. Имеется больше законных верований, чем сомнений: вот что означают возвышенные слова Св. Павла: милосердие всему верит⁵⁹.

86. Никто не считает себя вправе что-либо получить, не дав себе труда по крайней мере протянуть за этим руку. Одно есть только исключение – счастье. Считают совершенно естественным обладать счастьем, не сделав ничего для того, чтобы приобрести его, т.е. чтобы его заслужить.

87. Единственный способ верить в Бога – надеяться на него: вот почему тот не верует, кто не молится⁶⁰.

88. Христианское бессмертие – это жизнь без смерти, а вовсе не жизнь после смерти⁶¹.

89. Вы любили этого недавно умершего человека, вы его почитали. Сейчас же для вас он является печальным воспоминанием, воспоминанием печальным и, может быть, светлым одновременно. Но вы его больше не любите, вы его больше не почитаете, вы лишь его помните. Да и как же, в самом деле, любить и почитать прах? Но если бы случайно этот человек еще жил, не знаю где – в каком-нибудь отдаленном краю, в какой-нибудь неизвестной стране? Если бы он лишь отсутствовал, как многие ваши друзья? Почему же в таком случае вам не испытывать к нему тех же чувств, которые вы испытывали прежде? Я не вижу к тому никаких препятствий. И вот поклонение святым. Верить серьезно, добросовестно в бессмертие души и не почитать достойных нашего почитания людей лишь потому, что они не живут здесь, на земле, – разве это не абсурдно?

90. Помните ли вы, что было с вами в первый год вашей жизни? Нет, говорите вы. Так что же странного в том, что вы не помните, что было с вами до вашего рождения?

91. Нам предписано любить ближнего, но почему? Для того чтобы мы любили кого-нибудь, кроме самих себя. Это не мораль, это просто логика. Что бы я ни делал, между истиной и мной всегда становится что-то: это что-то – я сам; истину заслоняю я себе сам. Поэтому есть одно только средство открыть ее устранить себя. Не худо бы почаще повторять себе то, что, знаете,

Чаадаев П. Отрывки и разные мысли filosoff.org
однажды сказал Александру Диоген: отойди, друг, ты заслоняешь мне солнце⁶².

92. Только око милосердия ясновидяще: вот вся философия христианства⁶³.

93. Что производят люди при совместной жизни? Азот: они убивают друг друга⁶⁴.

94. Чувствуете ли вы, как зарождается в вас истина? Нет. А ложь? Конечно⁶⁵.

95. Все мое существо возмущается при мысли о том, что Богу приписывают какую-нибудь неспособность. Это делают всякий раз, когда представляют себе вечные законы, недвижимый порядок, предустановленную гармонию, вечную материю, монады, элементы или что-либо в ином роде. Всегда предполагают, что Бог не способен устранить это, говорят об этом или нет.

96. Декарт, как известно, не мог переносить мысли об ограниченности божественного могущества⁶⁶. Что же касается меня, то я не могу в нем усомниться; страх, который я всегда испытывал перед этой мыслью, был звездой моей жизни.

97. Какое ни дать определение органическому существу, оно всегда будет вполне применимо к земному шару. Природу разделили на органическую и неорганическую. Небесные тела не могут быть отнесены ни к той, ни к другой категории, а принимая во внимание безмерность пространства, в которых они движутся, их пока что превратили просто в математические точки. Что касается той планеты, на которой мы живем, мы знаем лишь одну ее наружную оболочку, и эта оболочка стала предметом обширной науки. Что вы можете возразить против этого? Разве эмпиризм не вполне удовлетворен таким разделением? Чего же вам больше⁶⁷?

98. Вы все, не испытывающие доверия к христианству, – вы считаете себя очень сильными. Так знайте же, что даже этой силы, которой вы так кичитесь, ввиду того освещения, в котором вам представлено христианство, гораздо больше заложено в том, чтобы быть христианином, нежели в том, чтобы им не быть. Вас страшат предрассудок и суеверие; и что же, именно в неверии, а не в веровании и заключаются предрассудок и суеверие. Скажите, как вы сделали таким, какой вы есть? Не так ли, как народ становится христианином? Разве вы не так, как народ, повторяете катехизис, не понимая его? То, что вы излагаете с такой уверенностью, – не воображаете ли вы, что сами это придумали? Бедные люди! Оглянитесь: не приходской ли священник вас этому научил?

99. Когда философ произносит слово человек, всегда ли он хорошо знает, что он хочет сказать? Не думаю.

100. Человек рождается так же, как и другие животные; он отличается от них только организацией, свойственной ему одному и благодаря которой он составляет особый вид в животном царстве. Это, конечно, еще не человек разумный, т.е. человек образованный, – особое существо, которому нет места в природе. Когда пишут трактаты о человеческом разумении⁶⁸, стараются объяснить себе, как человек-животное становится существом разумным. Здесь заблуждение и неясность. Человек-животное становится человеком разумным это так, но не по необходимости, а случайно.

101. Гипотеза о человеке-животном – говорю: гипотеза, ибо такого человека никто никогда не видел, ибо он, родившись среди себе подобных, ни минуты не может оставаться таким, каким явился на свет, – гипотеза эта, повторяю, очень полезна для научной патологии и для философической гигиены. Но что делать с ней философии в настоящем смысле слова? Когда философия этим занимается, то из философии человека она превращается в философию животного и становится уже тем отделом естественной истории, который изучает нравы животных, главой о человеке в зоологии⁶⁹.

10270. Народ русский, народ певучий, а не говорящий. В одной громогласной русской песне заключается более русской жизни, нежели как в целой кипе русских летописей⁷¹.

10372. Предложите ***⁷³ основать премию за то, чтобы найти идею, родившуюся в России⁷⁴.

104. Пусть мне скажут, что создала золотая середина⁷⁵ или чему она помогла расцвести. В этом весь вопрос.

105. Вы хотите создать славянский мир: почему бы татарам не попытаться в свою очередь создать мир татарский? Сравните прошлые судьбы двух этих рас и вы убедитесь, что у татар больше шансов на успех, чем у вас. Они себя зарекомендовали как завоеватели, как основатели. Магометанство изжило себя, это правда, и пока они будут магометанами, они не смогут с блеском снова появиться на мировой арене, но пусть они в один прекрасный день обратятся в христианство – и вы увидите! Странное будущее, ожидающее вселенную, полумир славянский и полумир татарский. Пан-славизм и пан-татаризм; вот отныне две руководящие идеи человечества. Надо признать, что эта система удивительно упрощает движение вперед человеческого общества⁷⁶.

106. Говорят про Россию, что она не принадлежит ни к Европе, ни к Азии, что это особый мир⁷⁷. Пусть будет так. Но надо еще доказать, что человечество, помимо двух сторон, определяемых словами – запад и восток, имеет еще и третью сторону.

107. Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю огорчать ее, предпочитаю унижать ее, только бы ее не обманывать.

108. Русский либерал – бессмысленная мошка, толкущаяся в солнечном луче; солнце это – солнце запада⁷⁸.

109. За каждым предметом в природе имеется нечто, что вкладывается в него нашим умом или нашим воображением; это и есть невидимое, что художник должен воплотить в своем произведении⁷⁹, ибо это именно нас трогает, нас волнует, а вовсе не сам предмет, нами созерцаемый.

110. Горе народу, которого рабство не смогло унижить, – он создан быть рабом.

111. Граф де Местр говорил: "преувеличение есть правда честных людей"⁸⁰, т.е. людей с убеждениями, потому что честный человек не может не иметь их.

112. Недоброжелательство смертельно для красноречия, если только оно не вызывает негодования или презрения.

113. Есть лица, на которых написано "нет"; человек с убеждениями инстинктивно от них отворачивается.

114. Есть натуры, лишённые способности утверждать что-либо, которые боятся произнести роковое "да", как молодая девушка, брошенная неумолимою волей родителей в объятия ненавистного человека.

115. Слово звучит лишь в отзывчивой среде.

116. Слово – цветок, который распускается лишь в сочувственной атмосфере.

117. Люди, всегда красно говорящие, никогда не бывают красноречивыми.

118. Есть глупцы столь бесплодные, что и солнце гения не в силах сделать их плодовитыми.

119. Есть умы столь лживые, что даже истина, высказанная ими, становится ложью.

120. Болезнь одна лишь заразительна, здоровье – нет; то же самое с заблуждением и истиной. Вот почему заблуждения распространяются быстро, а истина так медленно⁸¹.

121. Бог создал красоту, чтобы помочь нам понять его⁸².

122. Очевидно, что в тот день, когда Бог предоставил человеку свободу воли, он отказался от части своего владычества в мире и предоставил место этому новому началу в мировом порядке; вот почему можно и должно беспрестанно взывать к нему о пришествии царствия его на земле, т.е. о том, чтобы он соблаговолил восстановить порядок вещей, господствовавший в мире, пока злоупотребление человеческой свободой еще не ввело в него зло. Но просить

Чаадаев П. Отрывки и разные мысли filosoff.org
его, как этого требуют некоторые из наших учителей, чтобы царство его наступило на небе, бессмысленно, потому что там царство его никогда не прерывалось, так как мы знаем, что умы, по своей природе предназначенные обитать на небе, которые ослушались Бога, были оттуда изгнаны, прочие же, просветленные неизъяснимым светом, там сияющим, никогда не злоупотребляли своей свободой и шествовали всегда по божьим путям. Надо еще сказать, что если бы указанная система была верна, пока не настало царство Бога, он не царствует нигде, ни на земле, ни на небе. Мы хотели бы верить, что это следствие не было утрачено сторонниками этого учения.

123. Благо, привнесенное христианством, утверждают еще наши "учителя", если оно и воспоследовало, вовсе не должно было произойти, а явилось чисто случайно; христианство должно было воздействовать на личность: до общества и всего рода человеческого ему нет дела. Человечество, по их мнению, шествует к гибели и должно к ней идти.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!